

А за Хоккайдо осенью штормит!
Волна бьет в борт, сырых туманов ключья!
И ветер зло в рангоуте гудит
И воет в леерах, как стая волчья!

Слова из песни

Глава I

После возвращения броненосцев с Цусимы и прихода обоих больших караванов транспортов из европейской части страны подготовка к финальной операции этой войны вступила в завершающую стадию. Теперь это уже не казалось авантюрой. Всего, что хотели, естественно, не получили и сейчас, но самые острые вопросы как минимум удалось сгладить. Раньше, используя только железную дорогу, даже мечтать о таком не могли, что заставляло сомневаться — стоит ли вообще начинать?

Согласно основному плану окончания кампании, составленному Дальневосточным военным советом еще на первом его заседании, раньше всех предстояло прийти в движение маньчжурским армиям Штакельберга. Ориентировочно в конце сентября. Флот тем временем должен был заниматься восстановлением боеспособности и активизироваться несколько позже.

Но обстоятельства сложились таким образом, что в преддверии жестоких боев у порога японской столицы, в первую очередь морских, пришлось предпринять внеплановую и весьма рискованную экспедицию на Цусиму, начавшуюся даже на один день раньше, чем «громыхнуло» в Маньчжурии. И хотя в итоге все полу-

чилося даже лучше, чем могли надеяться, сильно омрачало настроение тяжелое ранение Рождественского.

Потребовались срочные кадровые перестановки на дальневосточном высшем и местном уровне. Но и после них, в точности исполнив загодя подготовленные на этот случай предписания Зиновия Петровича, уверенности в том, что преемники не оплошают, не было. И дело вовсе не в какой-то особой одаренности бывшего наместника. Ничего особо гениального он не избрал. Скорее, с какой-то непонятной многим фатальной обреченностью упорно проталкивал рожденные другими идеи, порою казавшиеся сомнительными, при этом без тени сомнения взваливая на себя гигантскую ответственность одним росчерком пера. Такой подход в сочетании с расширенными особым императорским указом полномочиями позволил исключить большую часть бюрократических этапов, существенно ускорив реализацию.

Те, кто понимал полезность новшеств, вводимых им, целиком разделяли и применявшиеся при этом авторитарные методы. Он говорил, что убеждать сомневающихся некогда. Несогласных же — не имеет смысла. Проще подождать. Время покажет, кто был прав. А такое их либо бесило, либо (что гораздо хуже) заставляло искать другие способы возражать или даже противодействовать.

Усугубляло все это дело и нежелание Рождественского, в большинстве случаев, пояснять хотя бы мотивы принятия тех или иных решений. Его сторонники оправдывали «шефа» острой нехваткой времени, а штаб пытался компенсировать информационными и аналитическими бюллетенями.

Но такие, в общем-то, прогрессивные и весьма эффективные меры не перекрывали все еще прорезавших-

ся иногда неприятных сторон характера. Таких как манера разговаривать, стоя спиной к малозначимому или несимпатичному лично ему собеседнику, или испепелять взглядом за малейший проблеск недопонимания. Не говоря уже о резкости, пусть в изрядно «усохшем» виде, но все же сохранившейся после всех перемен.

В итоге образовавшееся сосредоточение власти, а возле нее скрытое и явное недовольство, породило толпы завистников и недоброжелателей. И даже прямых врагов. Ведь если было нужно для дела, он не боялся испортить отношения без оглядки на чины и положение и точно так же мог возвыситься без учета ценза или старшинства производства, когда было за что.

Вряд ли найдется кто-то способный продолжить в том же духе. Тем более что его рывок поперек сложившихся устоев, благодаря внезапности оказавшийся таким эффективным, уже угасал. А реакция со стороны государственной системы на все новшества была далеко не однозначной, и ее противодействие стремительно нарастало. Сейчас порой даже было непонятно, за кого она «воюет».

На Дальнем Востоке, да и в столице тоже, имелось немало офицеров разных уровней, видевших и хорошо понимавших это. И сейчас дело продолжалось уже ими. Они спешили, чтобы успеть доделать начатое. Пусть далеко не все можно было просчитать, но неосознанно, интуитивно они чувствовали, как в детской мальчишеской драке — если не дожать сразу, прямо сейчас, через боль, через слезы, потом всей этой горечи будет гораздо больше, но ничего уже не выправишь. Пусть на инерции, на излете, местами «обтекая» чью-то волю, а где и наперекор! Выстрелив все до железки, выбрав до доньшка! А дальше... Победителей не судят, наверное!.. Оставалось лишь победить.

Планом опять предусматривалось разделение сил на этапе развертывания, для запутывания японской, а теперь еще и английской разведок. Но в завершающей фазе русские отряды и эскадры, караваны транспортов с войсками и отдельные суда снабжения должны были объединиться в мощный кулак.

Учитывая расстояния, при имевшихся средствах связи говорить о надежной координации действий между группами и одновременном соблюдении секретности не приходилось. А именно секретность являлась самым главным условием, дававшим шанс на успех всего дела.

В таких обстоятельствах гарантировать достижение поставленных целей можно было лишь строгим выполнением своей части общего плана каждым из участников многоходовой операции. Только так сохранялась вероятность сокрытия истинных целей отдельных мероприятий, уже на финише складывавшихся в единое целое.

Для отслеживания соблюдения графика движения всеми участниками предусматривались по три точки ожидания для всех соединений. Добравшись до них, каждый командующий должен был получить подтверждение, что все идет по плану, и лишь после этого приступать к исполнению следующего этапа.

А чтобы ушедшие в дальний поход не оглядывались с тревогой себе за спину, еще до их отправки резко форсировали запланированные ранее оборонительные мероприятия. Оргвыводы и реализованные конструктивные замечания по итогам последнего японского набега на наше побережье, уже прозванного в широких кругах «Владивостокской побудкой», несомненно, шли в зачет, но дел еще было...

В первую очередь решили продублировать проводные линии связи в окрестностях залива Петра Велико-

го (по причине сложного рельефа плохо защищенные от диверсий) современными станциями беспроводного телеграфа. Для этого в самом Владивостоке оставили только одну радиостанцию, расположенную в районе Нахальной слободки и именуемую с самого начала «Мощная береговая станция № 1». А вторую, с Орлиного Гнезда отправили на артиллерийский полигон в залив Посъет. Две другие, оставшиеся от закупленных для маяков¹, разместили на мысе Поворотный и в заливе Стрелок, где продолжалось строительство береговых укреплений.

Приняли ряд мер по повышению надежности береговой проводной линии, уходившей к заливу Ольги и бухте Владимира. Начали подбирать места для

---

¹ В реальной истории весной 1905 года были закуплены три станции для установки на маяках залива Петра Великого. Но ни одна из них на маяки так и не попала. Вообще же во Владивостоке к маю 1905 года были установлены два самые мощные в России береговые радиостанции. Первая, закупленная у фирмы «Телефункен» и идентичная аппаратам, приобретенным для 2-й эскадры, с самого начала получившая название «Мощная береговая станция № 1», была смонтирована в районе Нахальной слободки осенью — зимой 1904–1905 годов. Ее расчетная дальность достигала 1000 км (по факту несколько меньше). Весной ее усилили, доработав антенное хозяйство, планируя использовать и для связи с армией в Маньчжурии. Но если над водной поверхностью она теперь выдавала более первоначально запланированного, то над гористой сушей — нет. Тогда на высоте Орлиное Гнездо установили еще одну станцию. Как раз состоялась сделка по приобретению трех аппаратов для маяков залива Петра Великого. Один из них и собрали на новом месте, назвав его «Мощная станция № 2». Смысл этого действия не совсем ясен, поскольку ее расчетная дальность в 450 км над сушей была меньше первой и явно недостаточна для связи с Харбином, что и подтвердилось весной 1906 года, когда закончили монтаж аналогичной Харбинской станции (второй из этой серии). Третью отправили в Николаевск-на-Амуре, но смонтировали уже после окончания боевых действий.

еще двух станций на побережье между Владивостоком и Николаевском-на-Амуре, что позволило бы обеспечить более устойчивую связь по радио в пределах наиболее «глухой» северной части Японского моря. Прорабатывались проекты радиолинии через Сахалин и Курилы до Камчатки.

Крайне низкая освоенность Дальневосточного края с самого начала серьезно осложняла все это. Однако заниматься полноценными исследовательскими изысканиями сейчас было недосуг. Назначенный еще Рождественским на должность распорядителя-топографа штабс-капитан Арсеньев¹, получив грозную бумагу с подписью самого наместника, развил кипучую деятельность, доведя ее до нервного тика председателя местного яхт-клуба, а заодно и всех попечителей охотобщества; совершенно загоняв подчиненные ему все четыре конно-охотничьи команды крепости, он за полгода изловчился составить вполне приличные карты прибрежных территорий от Владивостока до самого Николаевска-на-Амуре. Опираясь на них, сейчас и действовали.

Сопоставление этих карт с трофейными японскими позволило выявить наиболее уязвимые места, где и усиливали, а чаще всего заново формировали оборону, строили батареи, размещали гарнизоны, планово,

---

¹ *Арсеньев Владимир Клавдиевич* — автор книги «Дерсу Узала» и других. В 1900 году в возрасте 28 лет в чине поручика подал прошение о переводе на Дальний Восток и служил в 1-м Владивостокском крепостном полку. За следующие пять лет обследовал весь юг Приморья, ведя разведку чисто военного характера. В реальной истории во время Русско-японской войны 1904–1905 годов А., уже поручика 29-го Восточно-Сибирского полка, назначили начальником всех четырех охотничьих команд Владивостокского гарнизона, объединенных в единый летучий отряд военной разведки. С этим отрядом на правах батальонного командира А. производил рекогносцировки.

поэтапно совершенствовали наспех прокинутую телеграфную связь.

С приходом конвоев значительную часть вопросов по снабжению на этих направлениях удалось закрыть. А начавшийся приток пленных и арестованных за расстраты, саботаж, шпионаж и незаконный промысел позволил худо-бедно решить проблему нехватки рабочих рук, так что дело сдвинулось.

Даже самый больной денежный вопрос удалось разрешить. Причем резко, буквально скачком. В течение всего трех недель погасили все просроченные платежи флота и крепости, с ходу заключив еще целый ряд увесистых контрактов на перспективу, в том числе и с иностранными предприятиями.

Однако последнее обстоятельство вызвало сильное неудовольствие в столице, что грозило даже срывом достигнутых договоренностей с подрядчиками. После того как на войну и связанные с ней экстренные нужды Дальнего Востока в кратчайшие сроки израсходовали до последней копейки немалый кредит, предоставленный немцами, из Санкт-Петербурга все настойчивее звучали призывы уgomониться. Причем во всех смыслах. Вбухивать и дальше такие деньжищи в окраину там казалось неразумным. Тем более что к октябрю уже получили осязаемую отдачу, в то время как угроза вторжения английских эскадр не только в крайние восточные владения, а даже в Финский залив в направлении столицы начала обретать все более реальные контуры.

С берегов Невы при такой конфигурации распределения наших и английских морских сил, а особенно их технического состояния, шансов оборонить все построенное на берегах Тихого океана виделось откровенно мало. Особенно учитывая слабость на данном направлении и наших новых союзников.

В этой связи в последней шифрованной телеграмме из-под «шпица» рекомендовалось прекратить активные действия против Японии и предоставить завершить дело дипломатам, уже работающим в нужном направлении. Активизировались и возможные посредники, выдвигая собственные мирные инициативы.

При этом с Певческого моста, явно прогибаясь под давлением извне, всячески одергивали военных, в первую очередь, конечно, вошедших в раж моряков, предостерегая от опрометчивых шагов, могущих задеть британские интересы. А из Морведа еще и требовали сохранить боеспособность оставшихся броненосных кораблей и как можно быстрее привести их в надлежащий вид, для возможной срочной отправки на Балтику.

Не отставало и Военное ведомство, после успеха последнего наступления на Сыпингайских позициях, вместо попыток развить его, пока враг не опомнился, практически прекратившее поставки вооружений и боеприпасов в Маньчжурию. Ибо свое делать не успевали, со складов центральных военных округов выгребли почти все, а покупать за границей — *дорого!*

При этом имелись сведения о крайней обеспокоенности Франции соблюдением Россией союзнических обязательств по отношению к ней, в свете заключенного торгового договора с Берлином. Третья республика встала в позу «потерпевшей», опасаясь скорого германского вторжения, предотвратить которое способны только русские полки, грозно сверкающие штыками на западных границах немецких земель.

В качестве жеста доброй воли Парижем предоставлялась отсрочка выплат по уже освоенным кредитам (что еще совсем недавно даже обсуждать отказывались) и возможность получить новые ссуды прямо

сейчас, с размещением обширных военных заказов на французских предприятиях. Но никаких предложений о поддержании военной силой в случае агрессивных действий со стороны Англии из Парижа не поступало.

Несмотря на явную «косობокость», это предложение сейчас обсуждалось на высшем уровне. В газетах писали, что от союзных обязательств Петербург не отказывается. Однако приостанавливает их действие. Причиной указывается не так давно заключенный «странный» договор о «Сердечном согласии» с Лондоном, который в Петербурге кажется неуместным при союзе Франции и России. Великобритания, как союзник Японии, является, по сути, участником конфликта. Хоть и косвенным. А посему в Елисейском дворце должны определиться: кто же их настоящий союзник или даже союзники, учитывая новый германский вектор?

Обо всем этом при встрече со своим недавним титулованным подчиненным поведал прибывший в свите великого князя Николая Николаевича генерал-майор Раух, бывший командир лейб-гвардии Кирасирского полка, в котором Михаил Александрович до недавнего времени командовал эскадром.

Еще он рассказал, что в столице идет серьезная подковерная борьба прогерманцев — сторонников новых веяний, и профранцузов (по сути проангличан), выступающих за уже привычную международную ориентацию. Именно этим, в первую очередь, вызваны столь массовые «миграции» великих князей. В том числе и на театр боевых действий. И чем закончится в столице, угадать до сих пор невозможно. И все на фоне весьма беспокойной политической ситуации в стране.

При этом некоторые военные в Генеральном штабе и в Морском ведомстве склоняются к мысли, что как теперь ни поверни, вполне может статься, что вскоре после этой войны снова с кем-то да воевать придется. Не с Англией, так с Германией. Но огромной стране остро как никогда требовалась передышка, обеспечить которую могла только скорейшая и убедительная победа на Дальнем Востоке.

А государь император, на чье прямое покровительство на российских берегах Великого океана уже привыкли опираться и особенно надеялись теперь, почему-то молчал!.. В то время как его окружение язык за зубами держать никогда не умело, да и не хотело, чем многие и пользовались.

Помня про внезапное появление всего японского флота у Цусимы, когда пришли туда с десантом, опасались, что о содержании секретной депеши и всех сопутствующих ей инструкциях и обстоятельствах уже известно в Лондоне и Токио, а потому перспектива *таких* мирных переговоров напрягала. Куда политики могут спустить плоды побед, доставшихся немалой кровью, представлялось вполне отчетливо.

Потому решили, опираясь на ранее полученные директивы и прямые распоряжения из канцелярии его величества, игнорировать последние, как всегда, предельно размытые инструкции из-под «шпица» и продолжать реализовывать задуманное, к тому же уже одобренное на *самом* верху и детально распланированное здесь, на месте. В конце концов, приказ о начале операции «Катана» подписан *самим* и до сих пор им не отменен. А более никем и не может быть даже оспорен. Почти все приготовления закончены, корабли и люди готовы (насколько это возможно), а время не ждет.

Глава 2

Но Дальний Восток, он на то и дальний, чтобы из всяких Европ долго все докатывалось. Во Владивостоке пока лишь на главном штабном уровне знали (точнее говоря, подозревали) о возможной скорой «перемене ветра», но молчали и виду не показывали. Но вовсе не потому, что хотелось шашкой помахать. Навоевались уже досыта. Скорее, опасались ответной реакции снизу. Потому как все было по-русски. Запрягали долго, потом наконец поехали, а сейчас и понесли. Попробуй теперь останови.

Тем временем все, что ниже, жило своей обычной жизнью. Война вроде бы ушла куда-то за море, оставив на берегу только напряженную суету, скрашиваемую достойным вознаграждением за труды и предвкушением чего-то лучшего, непременно ждущего впереди. Город развивался и отстраивался невиданными доселе темпами. Уже думали, как жить после войны, и начали проявляться другие приоритеты.

По кабакам ходили упорные слухи о несметных россыпях серебра и даже золотого песка и самородков, перехваченных на контрабандистских шхунах, пробиравшихся из Охотского моря. Что это благодаря содержимому их трюмов, выменянному ушлыми американцами на спирт у коряков и эвенков в окрестностях Охотска и Олы, наполнилась казна наместничества на Дальнем Востоке.

Изрядно подогревали подобные пересуды и появившиеся во Владивостоке чиновники казначейства, которых ранее здесь отродясь не видели. А особенно их неизменное сопровождение вооруженной охраной и жандармами, коих тоже стало намного больше.

Поговаривали, что Линдгольм уже подбирает знающих, опытных людишек для промышленной разра-